

18+

Алексей Ручий

НУЛЕВОЙ ЦИКЛ

Алексей Викторович Ручий

Нулевой цикл

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21125307

ISBN 9785448314261

Аннотация

«Верни мне мой 2007-й» – уже не актуально. «Нулевой цикл» вернет тебе целое десятилетие. Вниманию читателей предлагается книга, посвященная «поколению миллениума» – людей, чьи взросление и молодость пришлось на первые годы нового тысячелетия: времена стабильности и бунтарства, потребительского бума и зреющих кризисов. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Молодые ветра (2001)	5
Околофутбол (2002)	25
Ночь (2003)	42
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Нулевой цикл

Алексей Викторович Ручий

Дизайнер обложки Мария Брагина

© Алексей Викторович Ручий, 2024

© Мария Брагина, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-4483-1426-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нулевой цикл – термин, бытующий в строительстве и специальной литературе. Обозначает подземную часть зданий и сооружений или подготовительные работы на строительном объекте, работы по закладке фундамента.

Молодые ветра (2001)

*Режут руки и верят в красивый конец —
Поколение разбитых сердец...*

Еще год назад я вместе со всеми задавался вопросом, когда же на самом деле наступает двадцать первый век: в двухтысячном или две тысячи первом году; вместе со всеми ждал конца света или еще чего-то такого неординарного, что принято ждать от миллениума, — может быть, чуда, а может, просто какого-то житейского откровения, которое могло бы озарить мое смутное отрочество, указав естественный путь из него в столь таинственную пока взрослость.

Сегодня я уже ничего не жду. Конца света не наступило, чуда не произошло. Даже пресловутая «проблема Y2K», которая, по сообщениям некоторых СМИ, должна была стать едва ли не причиной гибели всей нашей техногенной цивилизации, оказалась пустым пшиком.

Мой выбор сделан, и сделан не мной, но это не имеет никакого значения. Наше будущее предначертано. Мы оканчиваем школу, поступаем в колледж или университет; мы становимся теми, кем когда-то не стали наши родители, чьи-то блеклыми тенями; наши желания и устремления диктуются окружающей нас средой, уверовавшей в собственные иллюзии; сами мы не стоим ничего.

Впрочем, это не мешает мне охотно внушать себе, что в какой-то мере я все же обладаю автономией воли и мой выбор – пусть немного, но мой. И я верю в это. А что еще делать, когда тебе всего пятнадцать лет?

Правда, через несколько недель мне исполнится шестнадцать. Но это ничего не меняет. В отличие от многих своих сверстников я по-прежнему мальчик. Дрочила. Сказать, что это меня немного тяготит, – значит существенно уменьшить масштаб проблемы. Иногда это просто сводит меня с ума.

И не только это. Я сижу и играю в «Клинок Армагеддона», звук игры убран в опциях, вместо него из колонок рвется пронзительно-хриплый голос Курта Кобейна с нью-йоркского анплаггеда, вопрошающий:

*My girl, my girl, don't lie to me
Tell me where did you sleep last night?..¹*

Компьютер играет на самом высоком уровне сложности и превосходит меня на порядок. Я понимаю, что еще чуть-чуть – и мое королевство постигнет неминуемый крах. Но я держусь изо всех сил, хватаюсь за каждую соломинку. Это последняя миссия в кампании, и я бьюсь над ней уже несколько дней. Большая часть моих моральных сил уходит на приобретение опыта в кровавых битвах с орками и чудидами, возведение новых построек в городах и обход разно-

¹ Nirvana – «Where did you sleep last night?»

цветных обелисков в поисках Грааля.

Курта терзают другие проблемы. Его сердце разбито, Впрочем, как и мое. Но я уже давно смирился.

Большинство из нас не представляет собой ничего. Большинство из нас обречено на проживание самой банальной из всех возможных жизней. Мы движемся по уже намеченным траекториям, ведущим всех нас на свалку истории. Там нам и место. Осознание этого тоже способно довести до безумия.

Юриспруденция – вот мой осознанный выбор. Насколько он может быть осознанным в пятнадцать лет. Впрочем, неважно. В этот момент жизни осознанность любого выбора, наверное, весьма относительна.

Мой противник с кремниевыми мозгами проводит вероломный рейд вглубь подконтрольных мне территорий, я лишаюсь двух второстепенных городов. Можно попытаться отбить их, однако внезапно для меня становится очевидным, что это действительно начало конца. Моему главному герою не хватает каких-то считанных очков хода, чтобы настигнуть ускользающего противника. Враг маневрирует, отсекая меня от рудников и источников пополнения армии. Я теряю своих рекрутов в изнурительных боях с ордами нежити. Пройдет еще несколько игровых дней, и над моей головой блеснет серой молнией топор палача. Я лезу в игровое меню и нажимаю на иконку «Переиграть сценарий».

Из коридора до меня доносится скрежет ключа в замоч-

ной скважине, затем чуть слышно скрипят петли входной двери. С работы вернулась мама. Я начинаю заново отстраивать свою империю.

Мама раздевается и идет ко мне в комнату. Я как раз поднимаю свой флаг над ближайшей к городу лесопилкой.

– Привет, – говорит она мне с порога.

– Привет, – киваю я, отправляя свое войско навстречу отряду кентавров.

– Все играешь? – хмурится мама. – А кто будет готовиться к поступлению в университет?

Кентавры – относительно слабый противник, но в моем случае их не так уж и мало. Победа достается мне ценой больших потерь. Не очень-то хорошее начало кампании.

– Я готовился, – отвечаю маме, – прочитал главу учебника.

Это не совсем правда. Я прочитал только полглавы. Но с учетом того, что вчера я осилил несколько больше запланированного, да и сегодня у меня еще весь вечер впереди, – я не сильно погрешил против истины.

– Хорошо. А уроки?

Уроки тоже сделаны. И мама это прекрасно знает. Просто ей хочется поворчать. Взрослые почему-то это любят. Словно без их ворчания моя жизнь не имеет ни единого шанса на полноценную реализацию.

– С уроками все в полном порядке.

– Сделай музыку тише, я устала. И не сиди перед монито-

ром часами – зрение посадишь. Мы тебе компьютер не для игр покупали...

Само собой. Но я и играю в него не так уж часто. Просто несколько дней назад сосед по подъезду подогнал мне «Клинок Армагеддона», и теперь я просто обязан расправиться со всеми черными магами и зловещими тварями, населяющими этот заманчивый компьютерный мир.

– Договорились, – еще раз машинально киваю, погруженный в экранное действо. Мама исчезает, мои войска движутся к побережью моря, где их ждет уткнувшаяся носом в желтый песок лодка.

Победа в этой кампании стала для меня идеей фикс. В повестке сегодняшнего дня она занимает место значительно выше поступления в университет. Что бы там не думали обо всем этом взрослые.

В сражении с драконами мне удастся продемонстрировать всю глубину моего полководческого мастерства. Они разбиты в пух и прах. Кажется, я уже достаточно поднаторел в игре, самое время покончить с этой проблемой последних дней.

Где-то в глубине квартиры звонит телефон. Его резкий звук резонирует с ревом струн кобейновской гитары. В унисон им гудят мои нервы.

Вскоре в дверях появляется мама, зовет к телефону:

– Это тебя.

Я ставлю игру на паузу, неохотно тащусь в коридор. Кому

там еще вздумалось отвлекать меня от фееричных баталий и ошеломляющих побед?..

– Здорово! – слышу в трубке, едва поднеся ее к уху. Узнаю голос одноклассника Антона.

– Виделись уже сегодня, – бурчу я в ответ, немного разочарованный. Едва ли стоило отвлекаться от игры ради бессмысленного трепа с человеком, которого я вижу шесть дней в неделю...

– Чем занимаешься?

– Да так... – про «Клинок Армагеддона» я ему говорить не хочу, иначе придется отбиваться от бесконечных попыток напроситься в гости после уроков.

– Содержательно. Уроки сделал?

– Сделал.

– Алгебру дашь списать?

– Ты из-за этого звонишь? – я непроизвольно морщусь: мне совсем не жалко домашнего задания, мне жалко, что я упускаю столь драгоценное время, за которое мог бы существенно потрепать войска противника.

– Не только, – Антон сопит в трубку, – сегодня вечером мы договорились встретиться в школе, посидеть, отметить...

– Что отметить? – я немного приглушаю голос, касаясь скользкой темы, – мама не должна услышать.

– Да у Бориса дняха...

– У него же неделю назад была.

– А проставляется он только сейчас. Будут все наши. Ты

как?..

Наши – это, конечно, далеко не все. Только избранные, некий неофициальный актив класса. Я себя к нему не отношу и, наверное, даже проигнорировал бы сообщение Антоны, если бы не одно но... Там наверняка будет та, которая разбивает мое сердце уже добрых полгода. И поэтому я буду там, должен быть...

– Я приду, – сообщаю Антону, – во сколько?

– Давай к шести подгребай. Мы с вахтершей уже договорились, она нам класс откроет.

– Хорошо.

Разговор окончен, я возвращаюсь в комнату – к своим героям меча и магии. Курт напоследок в предсмертном экстазе хрипит из колонок:

My girl, my girl...

Май гёрл, ага. Та, которая разбивает мое сердце. Теперь я трепещу от предвкушения встречи, и игра у меня не идет. Все мысли заняты другим. Искусственный интеллект пользуется моей душевной слабостью и начинает контрнаступление. Мне не хочется повторения фиаско, случившегося со мной полчаса назад, и я, сохранившись, выхожу из игры. Надо передохнуть, собраться с мыслями.

Собраться с мыслями – громко сказано. Вместо этого я валяюсь на диване и мысленно тороплю время, подгоняя его

в сторону заветной точки – шести часов. Кое-как дождавшись половины шестого, я начинаю собираться.

Завидев мои сборы, мама интересуется:

– Ты куда?

– У нас репетиция, – вру ей я, – готовим номер ко дню учителя.

– Почему ты мне раньше о ней не сказал?

– Я забыл. Антон позвонил и напомнил.

– Ты с этим компьютером скоро все на свете позабудешь, – причитает мама.

Она уходит, я облегченно вздыхаю. Почему я должен ей все объяснять? Почему родители считают, что дети им чем-то обязаны? В конце концов, если следовать законам формальной логики, получается наоборот: должны именно они. Это они сделали так, что мы материализовались из священного небытия и окунулись в этот уродливый мир, с его вечными проблемами и незаживающими болячками.

Спускаюсь по лестнице, думаю о той, ради встречи с которой я покинул дом. Угрозидило же влюбиться в одноклассницу. И что с этим прикажете делать? В компьютерной игре всегда можно переиграть сценарий, если что-то пошло не так, а как быть тут? Где найти моральные силы, чтобы как-то разрешить эту неразрешимую задачку?

Не найдя ответа, выхожу на улицу. Самое правильное в данной ситуации, наверное, – признаться в любви. Но, черт побери, легко сказать – признаться. От одних мыслей

об этом у меня темнеет в глазах. Я слишком робок для таких признаний, пожалуй.

На улице меня захватывает головокружение конца сентября. Опавшая листва хрустит под ногами, сквозь разрывы серых туч стреляет скупыми лучами холодное солнце. Дети играют во дворе в прятки, я слышу тонкий голос водящего: «Раз-два-три-четыре-пять, я иду искать! Кто не спрятался – я не виноват!»

До школы – один квартал. По пути я прохожу мимо футбольного поля, на котором знакомые пацаны играют в «сотку», обколачивая мячом сваренные из обрезков ржавых труб ворота. Завидев меня, машут мне руками:

– Иди сюда!

Я подхожу поздороваться.

– Здорово!

– Привет!

– Давай с нами!

– Не, пацаны, – отмахиваюсь я, – у меня в школе сходняк.

– Что за сходняк?

– Да так... Репетиция ко дню учителя.

– Ну ты, блин, актив...

– Ага, я такой. Да вы не переживайте – еще сыграем!..

Я покидаю их. Не хочется распространяться по поводу истинной цели моего похода в школу. Пусть играют. Я бы и сам поиграл в любой другой раз, но сегодня мои интересы лежат за пределами заросшего сорняками футбольного поля.

У школы встречаю Антона. Он курит на углу, под окнами учительской, делает мне оттуда знак рукой. Иду к нему.

– Здорово! – он тянет мне руку.

– Здоровались уже сегодня.

– Мы ж не евреи, поздороваемся еще раз...

Не знаю, при чем тут евреи, молча жму влажную ладонь Антона. Тот делает затяжку, потом сообщает:

– Борис с Еремой пошли в магазин за бухлом, просили тоже подгрести – помочь донести. А бабы пока в классе все готовят.

– А кто класс открыл?

– Борис с вахтершей договорился. Не за просто так, конечно... но Борис нынче при бабле, банкует.

– Подарок на день рождения пропивает? – ухмыляюсь я.

– Не, он в автоматах денег поднял. Повезло. Дуракам всегда везет.

– Ага, – соглашаюсь я.

Мы идем в сторону ближайшего магазина. Антон по пути рассказывает какой-то сальный анекдот, потом интересуется домашним заданием по алгебре.

– Дам я тебе списать, не переживай, – успокаиваю его.

– У нас завтра первого урока нет, я к тебе тогда забегу.

– Хорошо.

Борис, Ерема и Леха Радченко стоят у магазина и пьют пиво «Балтика Медовое» из пластиковой полторалитровой бутылки. Мы здороваемся. Борис кивает на «полторашку»:

– Будете?

– Спрашиваешь!

В целлофановых пакетах у пацанов несколько бутылок водки «Исток», бутылки с пивом и лимонадом, колбаса и белый хлеб. Они уже выпившие.

– За днюху проставляюсь, – улыбается Борис.

– Наши поздравления!

– Вы пейте, тару не задерживайте...

Мы передаем «полторашку» по кругу. Пиво горькое, с непривычки противное на вкус. Зато уже после нескольких глотков в голове начинает приятно шуметь и окружающий мир преображается, обретая какую-то смутную игривость. На душе становится легко и радостно. До выпускных экзаменов еще почти целый год, можно ни о чем не думать. Сегодня, по крайней мере, уж точно.

Допиваем пиво, идем к школе. По дороге Борис подкатывает ко мне по поводу алгебры, но я отсылаю его к Антону – пусть договаривается с ним. Плевать на эту алгебру, алгебра не значит ровным счетом ничего. На свете нет ничего важнее любви!..

Девчонки в классе уже накрыли составленные в ряд столы, мы распаковываем принесенные пакеты. Я вновь вижу Ее. Ловлю себя на мысли, что даже произнести ее имя про себя является для меня проблемой – словно хватаюсь за раскаленный металл. Поэтому я вынужден обходиться только отстраненными местоимениями.

Наконец, все приготовления окончены, мы рассаживаемся. Девчонки с одной стороны, пацаны – с другой. Борис с Лехой Радченко разливают водку и пиво. Володя Сухов по прозвищу Сухой в это время рассказывает какой-то длинный анекдот про двух наркоманов, который никто не слушает. Затем все поздравляют Бориса, и мы чокаемся пластиковыми стаканчиками с алкоголем.

Водка теплая и довольно мерзкая на вкус, я запиваю ее лимонадом. Затем, морщась, пихаю в рот кусок колбасы, жую, перебивая водочное послевкусие. Антон наливает себе пива – шлифануть, как он выражается.

Многие девчонки тоже пьют водку, моя возлюбленная в их числе. Лица у них немного румянятся, кровь с растворенным в ней этанолом начинает циркулировать быстрее. Ерема заводит музыку на классном проигрывателе, предназначенном для прослушивания кассет с языковыми занятиями по немецкому – мы собрались в кабинете иняза. Играют DJ Цветкофф и группа «Руки Вверх!».

Тост повторяется, вновь дешевая водка обжигает пищевод. Из колонок поет Иван Демьян и группа «7Б», хит сезона «Молодые ветра». *Нашла коса на камень, идет война на память лет...*

Под забойные аккорды этой песни мы выскакиваем из-за стола и начинаем танцевать. Борис с Еремой прыгают, обнявшись за плечи. Девчонки выделывают па немного изящнее. Я просто дрыгаю ногами и машу руками. Подбегает Ан-

тон, тянет мне стаканчик с пивом, я выпиваю его залпом.

Хорошо! Все-таки прекрасно быть молодым. Конечно, пятнадцать-шестнадцать лет – возраст не из легких, но радости от жизни в нем еще с лихвой. По крайней мере, тебе не хочется постоянно ворчать, как взрослым. Большую часть проблем можно запросто оставить в сегодняшнем дне и спокойно забыть завтрашним утром. Кроме разве что любви...

Начинается медляк «Смысловых галлюцинаций» под названием «Звезды 3000». Молодые люди приглашают девушек, девушки приглашают молодых людей, и все такое. Я вижу, как моя возлюбленная оказывается в цепких объятиях Вовы Сухого, он опережает меня. Ну что сказать? Мое сердце разбито, мои мечты рушатся в прямом эфире, как башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке пару недель назад. Моя нерешительность – вот единственное, что омрачает мое настоящее.

Я сажусь за стол и пью пиво с Антоном, он не танцует принципиально. Антон делится со мной:

– Нормальные у нас девки, а?

– Ну да, – осторожно отвечаю я.

– Нравится тебе кто?

Алгебру я, конечно, дам списать, но открывать ему тайны своего сердца в мои планы не входит.

– Да брось ты, – отвечаю я, – с чего бы?..

– Я просто так спросил. Борису вон Анька Звинцова нра-

вится...

– Это ни для кого не секрет.

– Только неинтересно с ними. Они все еще целки. Кроме Кузьминой...

Вот это уже интересно. Не знаю, насколько можно верить словам Антона, но то, что моя возлюбленная в списке тех, кого он отнес к «целкам», почему-то обнадеживает.

– Откуда информация? – с самым равнодушным видом спрашиваю я.

– Ерема сказал. А Ерема про баб знает все.

Про Ерему он прав. Ерема – бабник и самый ушлый пацан в нашем классе. Он потерял девственность полтора года назад, и наверное, в вопросах секса его мнению можно доверять. Скорее всего, его социологические выкладки верны. От радости я опрокидываю в себя стакан пива.

Из колонок звучит композиция «Руки вверх!» с бесхитростным рефреном «Ай-яй-яй девчонка...», все устремляются к столу. Вновь разливается водка.

После тоста многие идут курить, в том числе и моя возлюбленная. Я не курю, но иду за компанию. Курящей братией оккупирован ближайший к классу мужской туалет. Здесь и парни, и девчонки. Борис достает пачку «Мальборо», угощает всех собравшихся. Тянет сигарету и мне, я не отказываюсь. Борис же дает мне прикурить.

Горло режет прогорклый табачный дым. Я пробовал курить до этого пару раз, мне не понравилось. Но быть белой

вороной не хочется. Я курю, как, наверное, и многие из тут присутствующих, чтобы не быть отщепенцем. Насколько мне известно из разного рода «Энциклопедий для мальчиков» и «Психологий юношества», которые время от времени мне подсовывает мама, такое поведение, в общем-то, типично для нашего возраста.

Борис – не имя, прозвище. Образовано от фамилии Борисов, а зовут его Андрей. Правда, Андреем его никто не называет, даже родители – пару раз мне приходилось слышать, как они обращаются к нему, используя прозвище. Конечно, такое обращение показалось мне несколько странным, но это, в общем-то, их семейное дело. Борис говорит:

– Ты умный, скажи мне: когда двадцать первый век наступил – в том или в этом году?

– В следующем, – отшучиваюсь я.

– Я серьезно. Ты в конец света веришь?

– Нет, конечно.

– И я не верю. Но у меня бабка-соседка – свидетельница Иеговы² – все уши этим концом света прожужжала. Родаков моих агитирует...

– А те?

– Верят ей, по ходу. На собрания ходить начали.

– Это антинаучно.

– Вот и я о том же. Фигню какую-то несут, блин. Какой конец света, когда мы с тобой еще жизни толком не видели,

² Организация, запрещённая на территории России.

с девками нормальными не мутили? У американцев пусть этот конец случается, а у нас не надо...

– У американцев одиннадцатого сентября вон случился...

– Ну и поделом им. Нечего выпендриваться...

Кто-то начинает читать рэп, девчонки запрыгивают на унитазы и кричат припев стародавнего хита «Мальчишника»: *«Секс, секс – как это мило! Секс, секс без перерыва...»*

Я докуриваю сигарету до половины и иду к выходу из туалета – здесь уже не продохнуть. Открываю дверь и натываюсь на завуча школы – Елену Павловну. Она стоит и смотрит мимо меня в клубы табачного дыма, откуда несется звонкое девичье *«Секс, секс – как это мило! Секс, секс без перерыва...»*

– Добрый вечер, – говорю я, понимая всю нелепость текущей ситуации, и юркаю мимо нее. Она ничего не отвечает.

Быстрым шагом я возвращаюсь в кабинет, где остались от силы человека четыре.

– Шухер! – говорю я им. – Завуч тут!

– Мы в курсе, – отвечают мне, – заходила сюда уже...

– И что?

– Ну, бутылки мы успели убрать, так что не спалила. Но настойчиво интересовалась – по какому поводу сбор.

– Понятно. У нас ведь репетиция?

– Ага, – мы смеемся, но в этом смехе слышится общая для всех тревога.

Вскоре появляется компания из туалета в сопровождении

Елены Павловны.

– Откуда ключ от класса? – спрашивает она.

– На вахте взяли. У нас же репетиция, – отвечает за всех Борис. Хмель с него как рукой сняло.

– В туалете у вас репетиция? – хмурится Елена Павловна. – А гадости, которые я там слышала, – это коронный номер для директора школы, я так понимаю?

Все неловко улыбаются. Что тут объяснять – спалились по полной. Главное теперь – минимизировать последствия этой истории.

– Туалет весь прокурили, а завтра туда младшие классы пойдут... Борисов, ты тут главный? – спрашивает Елена Павловна.

– Вроде того, – берет вину на себя Борис.

– Ладно, мы с тобой потом поговорим еще. А сейчас – все быстро убираем, и чтобы ни души в школе через десять минут не было. Я пойду пока с вахтершей пообщаюсь по поводу ключей...

– Елена Павловна, она не виновата... – геройствует Борис.

– Сама разберусь, – Елена Павловна удаляется.

Все понуро приступают к уборке класса.

Через пятнадцать минут мы идем по улице. Елена Павловна ушла. Осадок в душе остался. Последствия этой истории непредсказуемы. Но открытой угрозы пока не прозвучало, так что все надеются на лучшее. Борис бодрит:

– Не унываем! У меня же днюха, так что продолжаем праздновать и веселиться!

Днюха у Бориса была неделю назад, поэтому, по всей видимости, данный аргумент действует слабо. Впрочем, беззаботность и оптимизм молодости скоро берут верх сами собой, и через несколько минут настроение улучшается. У нас еще осталось немного водки и пиво.

Мы идем через город к реке. Быстро смеркается, зажигаются фонари. Прохожих практически не видать – осенняя ночь делает свое дело. Лишь в желтых квадратах окон копошатся смутные силуэты.

На городском пляже мы устраиваемся на единственной скамейке. Остатки водки разливаются по стаканам, произносится какой-то тост в духе «как здорово, что все мы здесь сегодня собрались», затем алкоголь отправляется в наши молодые и неокрепшие организмы.

Леха Радченко напевает куплет «Молодых ветров», все остальные подхватывают.

Словно поймав золотую нить наших помыслов, реальность посылает легкий вздох теплого ветра, приносящего в ворах облетевшей листвы и треплющего наши волосы. *С юга дуют молодые ветра...*

Нашла коса на камень – про инцидент в туалете никто не вспоминает. Елена Павловна – вообще хорошая женщина, не удивлюсь, если она вообще замнет эту историю, просто поговорив с каждым наедине.

Неприятности прошлого нас больше не тревожат. Все, что заботит нас сейчас, – невесомость, прозрачность текущего момента, остановить который, застолбить, материализовать в более устойчивых формах мы не в силах. Растает молодость, пройдет любовь...

Две тысячи первый год ускользает, утекает в небытие вместе с дыханием этой осени, вместе с молодыми ветрами, которые в последний раз овевают нас своими легкими струями. Он уходит, как опьянение молодости, спадающее внезапно, бьющее в голову неожиданной трезвостью окружающей действительности. Как алкоголь, выветривающийся из наших голов на этом пляже, в этой кажущейся бесконечной ночи...

– Сколько времени? – спрашивает кто-то из девчонок, и становится понятно, что рано или поздно все подходит к концу.

У меня есть часы, но мне не хочется смотреть на них. Совсем рядом сидит моя возлюбленная, которой, возможно, я никогда не открою своего сердца, да это не особо и важно, одноклассники, сегодняшние мои спутники в лодке жизни, несущейся вниз по течению, и мне хочется остаться здесь навсегда. Жаль, что это так же невозможно, как выиграть «Клинок Армагеддона», презрев ожесточенные битвы и выбрав тихую, мирную жизнь на берегу реки. Антагонист реальности под управлением неумолимого компьютера-Времени обязательно нападет первым и разобьет тебя в пух и прах...

Я прихожу домой в одиннадцатом часу. Не так уж и поздно. Алкоголь практически весь выветрился, пока я возвращался с реки, мама ничего не замечает. Я прохожу в комнату и ложусь на кровать. Не хочется ни игр, ни музыки.

В голове и так звучит одна бесконечно навязчивая мелодия: *Гордость полными вагонами, золотыми погонами, с юга дуют молодые ветра...*

Околофутбол (2002)

*Поколение, которого нет,
Течет словами сквозь Интернет.*

2002 – две двойки по краям, два нуля посередине. Два лебедя и два кольца – что ни говори, а есть в этом числе какое-то эстетическое превосходство над другими, соседними. Может, даже магия какая-то есть. Это невооруженным глазом видно. И в гороскопах об этом иногда пишут, заостряют внимание. Будто год особенный, отличный от других. Кто верит во все эти знаки и тому подобное – тот уж точно от две тысячи второго года чего-то особенного ждет.

Андрей дочитал газету, отложил в сторону. Гороскопы он тоже, конечно, обычно просматривает, но верит в них лишь наполовину. Приблизительно в таком же соотношении они для него и сбываются. Хотя, конечно, хотелось бы, чтобы этот год какую-нибудь радость принес.

Тем более чемпионат мира начался. Наши первую игру выиграли. Может, и дальше удача попутет. В газете большая статья на эту тему есть, он ее от нечего делать даже два раза прочел. Типа хорошее поколение футбольное подросло, перспективное. Сычев, Кержаков, Измайлов... Ну и старички крепкие, боевые. В общем, Андрей, как и все «болелы», ждет от сборной успехов.

Да и группа проходная – ни бразильцев, ни немцев, ни англичан каких-нибудь в соперниках. Все можно, все возможно. Надо только постараться.

«Если очень захотеть, можно в космос полететь», – вспомнилась строчка из популярной лет пять назад песни³.

Скрипнула входная металлическая дверь – в помещение проходной ввалился сменщик Морозов.

– Здорово, Андрюха! – крикнул с порога.

– Утро доброе, – Андрей оттолкнулся ладонями от торца стола, и кресло на колесиках, в котором он расположился, поехало назад. Надо собираться, смена подошла к концу.

– Ну, че тут у вас? – спросил Морозов, сбрасывая с плеча черную матерчатую сумку с криво вышитой эмблемой фирмы Adidas на боку, в которой он обычно носил собранный супругой на смену провиант.

– Все как обычно. – Андрей потянулся, разминая затекшие члены, затем вылез из кресла.

– Телек не сломал, надеюсь? – с ухмылкой поинтересовался Морозов, убирая свою сумку под стол.

– Да что с ним станет...

– Смотри у меня. Сегодня футбол, пропустить никак нельзя.

– Знаю. Как думаешь, выиграют наши?

Морозов расположился у стола, отодвинул газету, затем потянул журнал учета дежурств, открыл на нужной страни-

³ Строки из песни «Космонавт» проекта RadioTrance.

це, замер.

– Очень надеюсь. Иначе жопа нам. Че журнал не заполнил-то?

Морозов был очень дотошным мужиком. Иногда это раздражало. Андрей засуетился.

– Не успел еще, давай заполню...

– Ладно уж, сам все сделаю. – Морозов махнул рукой. – Иди...

С улицы слышались голоса – заводские возвращались с ночной смены. Андрей снял с вешалки свой пакет и джинсовую куртку, надел куртку поверх рубахи – начало июня в этом году выдалось дождливым и прохладным. И судя по всему, сегодняшнее утро в этом плане ничем не отличалось от предыдущих: сквозь мутное стекло виднелись серые тучи, свинцовыми дирижаблями бороздившие небо.

Вновь хлопнула дверь – через проходную потянулась ночная смена. Мужики галдели, что-то оживленно обсуждая. До Андрея долетело несколько обрывков фраз:

– Надо Сычу больше играть давать!

– И Кержакову! Нечего молодежи на банке сидеть. Пусть доказывают, что есть будущее у российского футбола...

– Олег Иванович без вас, мудаков, разберется, кого ему в основу ставить...

Морозов проводил рабочих задумчивым взглядом, затем с ехидной улыбкой обернулся к Андрею:

– Видал? Спортивные аналитики из компрессорного цеха

домой потопали...

– Ага. Пойду и я.

– Ну, бывай. – Морозов протянул сухую, жилистую ладонь. – Газету оставишь?

– Конечно, читай...

Андрей ответил на рукопожатие, затем взял свой пакет и вышел в дверь, в которую до него прошла смена из компрессорного.

Улица встретила холодным ветром, одиноко гулявшим вдоль заводского забора. Несколько бездомных собак ковырялись в помойке неподалеку. Мелкие вихри пыли вились под ногами. Андрей пошел вдоль забора в сторону автобусной остановки.

Зазвенел будильник, Андрей открыл глаза. Машинально глянул на часы: до матча оставалось двадцать минут. Где-то с минуту он изучал блеклый узор на потолочных обоях, затем потянулся и слез с дивана.

Умылся в ванной холодной водой, смыл с себя остатки сна. После этого прошел в кухню и поставил закоптелый чайник на плиту. Из динамика висевшего на стене радиоприемника доносился приглушенный гитарный перебор, Андрей крутанул регулятор громкости, прибавляя звук. Играла песня группы «Любэ» «Давай за...».

Серыми тучами небо затянуто... Андрей выглянул в окно: на улице за время его сна не прояснилось. «Дурацкое на-

чало лета, — подумал он. — Холод и тоска».

Вся надежда на футбол. Если не подведут наши футболисты опять же. А они, пожалуй, еще более непостоянны, нежели здешняя погода. В общем, куда ни кинь...

Закипел чайник. Андрей бросил горстку заварки из картонной коробки на дно кружки, залил ее кипятком. Заварочный чайник он разбил где-то с месяц назад, а новым так и не обзавелся. Как со Светкой разбежались, так все хозяйство побоку пошло...

Правда, не мужское и дело — за хозяйством следить. Мужик должен деньги зарабатывать. А баба дом держать. Как-то так.

Сахарница оказалась пустой, пришлось пить чай без сахара. Издержки холостяцкой жизни. По радио заиграла песня Валерия Леонтьева «Августин».

Ах, мой милый, милый, милый Августин, Августин, Августин...

— Хорошо б, чтоб было нынче три один, — вслух скаламбурил Андрей, сожалея о том, что никто его юмора не оценит. Иногда, как ему казалось, у него получались неплохие перлы.

Покончив с чаем, он поставил кружку в раковину, где уже громоздилась внушительная гора посуды, и устремился к телевизору. Нашел на диване пульт дистанционного управления, щелкнул нужный канал. Темный экран моргнул белым всполохом, затем на нем возникло зеленое футбольное поле.

– Поехали! – почти прокричал Андрей. Его голос прозвенел в пустоте квартиры с воистину космическим пафосом.

Показались команды, заиграли гимны. Потянулись последние предматчевые минуты, нудные вдвойне. Андрей нервно почесался в предвкушении. Надо было пива взять...

Наконец, приветствие окончилось; немецкий судья Маркус Мерк провел жеребьевку, решая, какая из команд начнет игру с середины. Футболисты тем временем расположились вдоль центрального круга.

Телевизионный оператор направил камеру на переполненные трибуны, пестрые от национальных флагов, заскользил по восторженным лицам футбольных болельщиков.

Радость большого праздника захлестнула трибуны стадиона в Йокогаме. Отовсюду неслись бодрые речевки, песни; похожие на воинов-камикадзе болельщики команды хозяев иступленно били в барабаны...

Затем взгляд камеры вновь вернулся к центру поля. Раздался стартовый свисток. «Понеслась», – подумал Андрей, на этот раз про себя.

Первый тайм прошел в довольно равной борьбе. Правда, японцы смотрелись чуть активнее и агрессивней. Оно и понятно: самураям дома и стены помогают. Да и немецкий стоматолог⁴ немного подмахнул: не поставил пенальти за снос Семшова. Но мы им еще покажем харакири!..

⁴ Немецкий арбитр Маркус Мерк по основной профессии – зубной врач.

Андрей убрал звук телевизора кнопкой Mute, потянулся к музыкальному центру. Panasonic, батя его в августе девяносто восьмого взял – аккуратно перед тем, как рубль обвалился и цены на импорт взлетели. Диск был уже внутри, Андрей нажал на Play. Заиграла песня «Гимн Шута» с прошлогоднего альбома группы «Король и Шут».

Андрей вытянул ноги, принялся рукой отбивать такт по спинке дивана, на котором расположился.

Терпением я не наделен, И мне все лучше, Да мне все лучше! Я удивлен, я удивлен!

Впереди еще второй тайм, в котором все и решится. Если наши прибавят – разделают косоглазых под орех. Надо бы Сычева на поле выпустить...

Андрей вспомнил утренних работяг из компрессорного, махнул рукой: Романцев, наверное, и сам все знает. Поживем – увидим! Эх, скорей бы!..

Финальный свисток прозвучал, словно выстрел в затылок сотен безоружных, жестоким приказом поставленных к бетонной стене. Ну как же так?! Нечестно, несправедливо!.. Эти слова бешено метались в голове, а ладони невольно сжимались в кулаки.

Ну, хотя бы ничья... Чертова ничья – и та выглядела бы не так обидно. Но... Японско-немецкий расстрел, в лучших традициях закончившейся больше полувека назад Второй мировой войны, был только что учинен для всех русских бо-

лельщиков...

Команды покидали поле под восторженный гул и пение трибун, на табло горели предательские цифры: один-ноль. В пользу хозяев.

Опять не хватило самой малости. Опять проиграли. Андрей сел на край дивана, обхватил руками голову. Черт, до чего же обидно!

Конечно, впереди есть еще один матч, решающий, с бельгийцами. Поэтому пока не все потеряно. Но в любом случае результат сегодняшней игры оставит осадок в душе. Надолго. Слишком много от нее ждали...

Андрей нехотя поднялся с дивана. Ладно, жизнь продолжается при любых раскладах. Посмотрим, что будет дальше. Может, не все так плохо.

Судьба, в которую влюблен, дает мне право смеяться даже над королем...

Серое, пасмурное небо к вечеру потемнело еще больше, нахмурившись тяжелыми складками свинцовых туч, но по-прежнему не желало разрешаться дождем. Из-за домов задувал прохладный восточный ветер, поднимавший с земли облака пыли.

Андрей вышел из подъезда, хлопнув обшарпанной дверью с нарисованным на ней субкультурным знаком анархии – большой буквой «А», обведенной кружком. Наискось пересек двор и через арку вышел на улицу. Улица в этот час была

практически пуста.

Он спрятал руки глубже в карманы и пошел по покрытому потрескавшимся асфальтом тротуару навстречу низкому небу, сжатому железобетонными силуэтами домов.

– Да всё мы могли, говорю тебе! – Пашка с силой стукнул доньшком пивной бутылки по поверхности столика, янтарные капли брызнули по сторонам.

– Судья немецкий тоже подкозлил... – Андрей поморщился, огни светомузыки резали непривыкшие глаза.

– Черт с ним, с судьей, – Пашка сделал глоток из своей бутылки «Балтики», – сами хороши. Столько шансов упустили. Бесчастных вон в пустые ворота не попал...

– Да, что-то плохо у Володи с прицелом, – подал голос молчавший до этого Егор.

– Вот я и говорю, – найдя поддержку со стороны Егора, сверкнул глазами Пашка, – сами тоже с усами.

В полупустом зале дискотеки заиграла песня группы «Тату» «Я сошла с ума», Пашка отвлекся от разговора и принялся выбивать ритм своей бутылкой-«чебурашкой» по столу. Егор вновь погрузился в задумчивое молчание. Андрей полез в карман за мелочью, чтобы купить еще пива.

Бармен скучающе смотрел в экран телевизора, закрепленного на стене бара, время от времени нажимая на кнопку пульта, чтобы переключить канал. Посетителей пока было

мало.

Внезапно он прекратил свою одиссею по волнам телевизионного вещания, принявшись энергично и даже немного судорожно тыкать пальцем пульт, прибавляя звук, дабы услышать голос диктора, тонуший в раскатывающемся по залу дискотеки истошном девчачьем припеве: *«Я сошла с ума, мне нужна она...»*

На экране в это время демонстрировали группу молодых людей, громящих автомобили, кажется, в центре Москвы. Андрей вслед за барменом заинтересованно уставился на экран. Судя по всему, это была передача «Вечерние вести».

Диктор говорил взволнованным голосом, демонстрируя свою крайнюю озабоченность происходящим. Андрей не ошибся: транслируемое на экране действо и в самом деле происходило в столице, а если быть точным, на Манежной площади, где огорченные поражением футбольной сборной фанаты принялись громить припаркованные автомобили и витрины близлежащих магазинов.

Несколько раз камера показала перевернутые легковушки, осколки битого стекла и едкие клубы от дымовых шашек, в которых потонул заполненный людьми пятачок в центре Белокаменной.

– Видал? – возбужденно спросил Андрея бармен, тот лишь утвердительно кивнул в ответ, наблюдая за происходящим на экране. – Нормальный такой замес пошел... – хмыкнул бармен, – и правильно. Давно пора. Может, появится

в России нормальный футбол, когда Кремль по кирпичикам разнесут...

Фанаты с закрытыми платками или клубными шарфами – «розами» – лицами, с надвинутыми на самые лбы козырьками бейсболок швыряли пустые пивные бутылки и камни в огромное телевизионное табло для трансляции, а также в стекла магазинных витрин; в нескольких местах произошли стихийные стычки, камера выхватила бурую кляксу крови. Стихия и хаос правили в центре столицы в этот час.

– Дела... – услышал Андрей протяжный возглас Пашки. Обернувшись, он увидел, что приятели тоже подтянулись к бару, заинтригованные телевизионным зрелищем. Подошли еще несколько человек из зала, остальные продолжали безразлично танцевать.

– Давай-давай, ребята! – крикнул кто-то восхищенно. Его поддержали возгласами одобрения. Симпатии большинства собравшихся возле бара, по всей видимости, были на стороне тех, кто устроил погром.

Наконец, картинка с московским уличным насилием пропала, на экран вернулось лицо ведущего новостного выпуска, который тут же деловито пообещал держать зрителей в курсе происходящих событий.

Андрей не мог точно сказать, поддерживает ли он погромщиков или нет. С одной стороны, эмоции фанатов он во многом разделял и сам, очередное обидное поражение сборной существенно испортило настроение в этот вечер. С другой

стороны, он никогда не был сторонником насилия в конфликтных ситуациях.

«Что случилось – то случилось, как будто от меня что-то зависит», – резюмировал Андрей про себя. Потом, наконец, вспомнил, зачем он пришел к бару.

Следующие полчаса они активно обсуждали московский репортаж. Пашка стучал очередной бутылкой «Балтики» по столу, силясь перекричать колонки дискотеки, из которых в полутемный зал неся пубертатный девчоночий гимн с недавнего альбома группы «Руки Вверх!»: *«Забирай меня скорей, увози за сто морей и целуй меня везде – восемнадцать мне уже...»*

– Народ имеет право на восстание! – полушутя восклицал Пашка. – Если его что-то не устраивает. А ситуация в российском футболе не устраивает многих!.. – В своих отповедах он невольно копировал интонации и манеру депутата Жириновского, к которому, насколько Андрею было известно, питал симпатию.

– Да брось ты, революционер недоделанный, – осаживал его Андрей.

– Но ведь обидно, Андрюха!..

– Обидно, – соглашался Андрей.

Егор по-прежнему предпочитал отмалчиваться, лишь изредка вставляя колкие реплики или сарказмы, вроде «Кто сделал сегодня Россию несчастной? Попавший мимо ворот

Володя Бесчастных».

Народу прибавилось, зал дискотеки потихоньку заполнялся. Пришли знакомые ребята, Пэкс с компанией, поздоровались, поделились эмоциями по поводу футбола. Про московские беспорядки они еще не слышали, узнав эту новость от Пашки, ехидно заулыбались, мол, и поделом.

Отправившись в бар за очередной порцией пива, Андрей поинтересовался у бармена о последних новостях из Москвы. Тот посмотрел на него скучающим взглядом: «Разогнали всех уже, не на что больше смотреть». На экране телевизора позади него демонстрировала прелести своего неувядающего тела американская певица Мадонна, в углу светился логотип музыкального телеканала MTV.

Ближе к полуночи дискотека, по всей видимости, достигла своего апогея, народ начал потихоньку расходиться – все-таки завтра понедельник, многим идти на работу. Так и не успевший заполниться целиком зал дискотеки снова начал пустеть.

Ушел Егор, которому с утра надо было топать на свою пилораму. Андрей с Пашкой проводили его задумчивыми взглядами. У обоих на грядущий понедельник выпал выходной, поэтому они пока оставались.

– Чего это он такой задумчивый сегодня? – спросил Андрей Пашку.

– Да со своей вроде поругался. Вот и бычится.

– Понятно.

– Ну а чего тут может быть непонятного? Все проблемы из-за баб. Даже проблемы баб. Ты-то со своей Светкой не помирился?

– Нет.

– Ну и ладно. Может, помиришься еще. А может, и не нужно это тебе. Жизнь сама за всех разберется, – Пашка в очередной раз жестко приземлил коричневую бутылку-«чебурашку» на липкий от пивных капель аэродром стола.

– Разберется, ага, – хмыкнул Андрей.

Два лебедя, два кольца – год вроде счастливым быть должен, в гороскопах ведь так пишут, да? Ага, и где же это самое счастье? Как оно выглядит, по каким улицам бродит? Со Светкой разбежались, перспектив особых нет, с футболом все плохо, впрочем, как и всегда. Остается лишь ждать избавительных погромов судьбы.

– Сомневаешься? – удивился Пашка. – Все под небом ходим, оно и решает...

В этот самый момент мимо их столика прошествовал в сторону туалета бывший бандит по прозвищу Кувалда, работавший теперь на дискотеке охранником. Пашка кивнул ему вслед:

– Вон Кувалда, говорят, в девяностые на разборках два огнестрела и одно ножевое поймал, плюс селезенку ему отбили, а ничего – бегают, порядочных людей своей рожой пу-

гает. Видимо, блат у него особый там...

– Где там? На небе, что ли?

– Ну не в Кремле же! – рассмеялся Пашка.

Андрей помолчал, сделал глоток пива. Затем спросил:

– А ты, вообще, сам во все это веришь?

– Во что?

– Ну, в магию эту, в сверхъестественные силы...

Пашка махнул рукой:

– Да какие тут сверхъестественные силы... Я ж тебе про небо говорю, про Бога и судьбу. Про жизнь, в конце концов. Вот в них верю, а во всякие сверхъестественные силы – нет.

– А от этого года чего-нибудь ждешь?

Пашка пожал плечами:

– А что в нем особенного? Год как год. Жду, что, может, зарплату немножко прибавят да девчонку нормальную себе найду, чтоб семью с ней завести. А в остальном... – он глубокомысленно вздохнул, – сегодня вот ждал, что Кержакова на поле наконец выпустят, но не срослось. Теперь вот от футбола вообще ничего не жду. Как сыграем с бельгийцами – так сыграем.

– Понятно, – протянул Андрей.

– Понятно ему, – хмыкнул Пашка, – мы пиво еще будем или по домам?

– По домам давай.

Пока были на дискотеке, на улице прошел короткий

дождь, намочивший листву деревьев и асфальт. В мелких зеркалах луж отражался блеклый свет фонарей.

Притихшие улицы были пустынные, лишь изредка мимо проносилось ночное такси или из подворотни доносился крик какого-нибудь одинокого пьяницы.

С Пашкой расстались возле круглосуточного магазина: он нырнул внутрь, чтоб взять еще пива домой, Андрею же пить больше не хотелось. Пожав на прощание приятелю руку, он побрел в сторону дома по подмокшим улицам и дворам.

В одном из дворов, забравшись на скамейку с ногами, сидела компания школьников, состоящая из пяти-шести человек. По рукам ходила пластиковая «полторашка» с пивом. Невысокий сутулый паренек, примостившийся на самом краю скамейки, молотил по струнам издававшей виды гитары. До Андрея долетели слова припева, выведенные нестройным хором пьяных подростковых голосов:

Сбила ты меня с дороги.

Не найду фаватер.

*Буду жить теперь один я, как терминатор!*⁵

Вспомнилась Светка. Интересно, как она там? Расстались из-за ерунды ведь, по сути... Может, стоит попытаться наладить отношения вновь?..

Зашелестел ветер в ветвях, на землю посыпались запу-

⁵ Строки из песни «Терминатор» группы «Ленинград».

тавшие в листве капли недавнего дождя. Андрей отогнал от себя нахлынувшие мысли. Прав Пашка: жизнь сама рассудит, кому и с кем быть.

И с футболом все так же произойдет. Захотим – выиграем, не захотим – так и будем нести свое бремя неудач.

Поэтому плевать на все эти гороскопы и прочую лабуду. Две тысячи второй – обычный год, один из многих. Все как всегда: живем и надеемся на чудо. Без примет и предсказаний. Каждому свое, и каждый сам проживет свою бестолковую жизнь.

Ночь (2003)

Поколение вечных нулей

Слушает рэп и нюхает клей...

В открытое окно задувал холодный ветер со стороны реки, в густых влажных сумерках поздней осени мелькали желтые глаза автомобильных фар, сливавшиеся на набережной в ослепительный электрический поток, текущий параллельным реке курсом. Издалека, оттуда, где находился железнодорожный вокзал, слышались короткие сигнальные свистки отбывавших в никуда электричек.

Матвей с Артемом курили, выпуская клубы табачного дыма в окно, прямо в черный зев промозглых сумерек. Пространство между облупившимися рамами было серым от пепла – у этого окна располагалась единственная в ДК курилка.

Курили молча. С первого этажа Дома культуры долетали приглушенные звуки саксофона, аккомпанируемые гитарным перебором, чуть ближе неизвестный барабанщик, солируя, терзал железные тарелки ударной установки, несчастные крэши, райды и хэты; у окна все эти звуки сливались в невообразимую музыку прошлого, настоящего и будущего. В бывшем ДК железнодорожников было порядка десяти коммерческих репетиционных точек.

Докурив, ребята почти синхронно выбросили окурки в окно и, уступив место угрюмым металлистам, спустившимся с третьего этажа, также молча побрели на точку, где их ждали остальные участники группы.

«В мире нет ничего постоянного, – как-то сказал Артем. – Ничего, кроме ненависти...»

Теперь Артем выкрутил ручки на своей гитаре до упора и, со злым азартом нажав педаль дисторшна, принялся играть хардкорное вступление недавно сочиненной песни. Группа подхватила это вступление.

*Ненависть, ненависть, ненависть,
Ненависть – ты дороже любви,
Капитал, политика, Библия —
Все это ненависть, как ее ты ни назови...*

Матвей, откинув лезшую в глаза прядь волос, принялся завывать в микрофон, параллельно выводя гитарное соло изрядно сточенным медиатором, вырезанным когда-то из пластиковой карточки из-под сим-карты.

*Америка – это ненависть,
Америка – это война,
Кто сеет повсюду ненависть —
Тот получит сполна!*

Последнюю фразу бас-гитарист Игорь по прозвищу Зеле-

ный сопровождал пронзительным кличем «Хой!», получилось задорно и очень по-панковски. Драйв песни захватил каждого участника группы, наполнил собой замкнутое пространство репетиционного зала.

*Ненависть, ненависть, ненависть,
Ненависть – ты знамя любви,
Мы будем любить вас так крепко,
Что оставим по горло в крови...*

Песня получилась забористой, будоражащей. Немного напрягала заключительная рифма «любви – крови», казавшаяся пошло-заезженной, но Артем, как автор песни, наотрез отказался что-либо менять в тексте, поэтому после случившегося неделю назад непродолжительного спора было решено оставить все как есть.

А про Америку после начавшейся этой весной войны в Ираке вообще все четко сказано, ей, собственно, как уверял Артем, и посвящена песня:

*Америка – это ненависть,
Америка – это война,
Кто сеет повсюду ненависть —
Тот получит сполна!..*

К метро шли уже в сгустившейся темноте, прорезаемой лишь светом редких фонарей. За кирпичным забором,

вдоль которого протянулась узкая ленточка тротуара, темнели мрачные корпуса полузаброшенной фабрики.

Матвей вспомнил, что в голливудских фильмах в подобных местах обычно можно повстречать темнокожих бомжей, толпящихся у подожженных мусорных баков и играющих на губных гармониках. Он поделился своим наблюдением с остальными.

Артем хмыкнул в ответ:

– Так это ж америкосы, что с них взять. У них не фильмы, а одно сплошное клише.

Артем состоял в национал-большевистской партии и, вполне естественно, Америку и все, что с ней связано, не любил. Впрочем, Матвей и остальные во многом разделяли его взгляды.

Правда, после начала иракской войны политика в текстах Артема стала преобладать, и по этому поводу мнения в группе разделились. Например, Матвей, а вместе с ним и барабанщик Джоник считали, что коллектив должен сохранить в своем репертуаре лирические композиции. Артем на это только разводил руками: хотите лирики – пишите сами. Матвей, в общем-то, и писал понемногу, но видел, что его тексты вызывают некоторое отторжение у Артема.

Возле станции метро встали в стороне, закурили. Некурящие Игорь и Джоник, распрощавшись, исчезли в вестибюле станции подземки. Хлынувшая следом за ними толпа с находившегося тут же железнодорожного вокзала – недавно при-

была пригородная электричка – вмиг стерла память о них.

– Слышал, новый альбом Игги Попа выходит? – спросил Матвей опустившего козырек бейсболки почти на самые глаза Артема.

– Ага, скоро должен быть. На прошлогодних «Крыльях» он, кстати, зажигал, не смотрел?

– Не-а. Я этим летом хотел поехать, прикинь, да не срослось. А там – взрыв этот... Хорошо, что не поехал...⁶

– Ну, повезло тебе. Хотя... – Артем сплюнул под ноги, в темную лужу, в которой плавали мутные блики фонарного света да обрывки палой листвы. – Кто знает. Может, скоро и тут взрывать начнут. Новый порядок, все дела. Спустишься в метро, а там – ба-бах! – и нет тебя...

– Да ладно тебе, у нас не взрывают. Мы ж не Москва...

– Думаешь, для террористов есть разница, где джихад устраивать? Их ведь рай с гуриями на небе ждет, что им эти точки на карте «ЭрЭфии»... Рай – их конечная точка.

– Тебе виднее...

– Ага, виднее. Приходил бы к нам в пикет на Гостинку, разъяснили бы актуально позицию по ситуации в мире.

– Спасибо, как-нибудь приду.

– Знаем мы, как ты придешь. Почти год тебя зову. Слушай, может, сходим куда-нибудь на выходных, поугараем?

– Куда?

⁶ Имеется в виду теракт, произошедший на рок-фестивале «Крылья» 5 июля 2003 года.

– В «Молоко» или «Орландину», там нормальные команды играют.

– Самим уже пора там играть...

– Сыграем, не переживай. Программу подготовим боевую и сыграем. Ну, так как насчет выходных?

– Без проблем.

Артем отправил окурок в лужу под ногами, Матвей донес свой до урны у входа в метро.

– Культурный шибко? – ухмыльнулся Артем, толкая перед собой тяжелую прозрачную дверь.

– Типа того, – коротко ответил Матвей.

Навстречу хлынул поток теплого воздуха, принесенный снизу, со станции. Показались впереди турникеты, пальцы нащупали в карманах карточки проездных. Сзади подкатила волна людей с очередной электрички, понесла к эскалатору; Матвей с Артемом растворились в хаосе вечерней подземки.

К узкой бойнице в стене коридора, над которой помещалась табличка «Окно приема», протянулась очередь из хануриков с целлофановыми пакетами и тряпичными котомками в руках, желающих обменять печатную продукцию на возможность опохмелиться дешевым портвейном с народным названием «три топора» и беззаботно просуществовать еще один день. Матвей протиснулся мимо них и нырнул в торговый зал, заставленный стеллажами с книгами.

В воздухе витал особенный запах старых книг: запах от-

сыревшей бумаги, канцелярского клея и разошедшихся переплетов. Матвей прошел к стеллажам, где ковырялись в пожелтевших фолиантах другие немногочисленные покупатели.

В букинистическом магазине книги стоили на порядок дешевле, чем в обычных книжных, плюс можно было найти действительно интересный раритет. Матвей обычно заходил сюда по субботам после занятий в институте.

Сегодняшним уловом была антропологическая брошюра, посвященная шаманизму народов Сибири, а также трехтомник стихов Маяковского издания 19... года. Матвей расплатился за них на кассе и, сложив книги в рюкзак, пошел на выход. Полку похмельных поставщиков магазина за это время немного убыло.

Осенний день хмурился складками серых туч над головой, изредка орошая зазевавшихся пешеходов мелким дождем, который, впрочем, довольно быстро сходил на нет. Под ногами шуршала опавшая листва, подгоняемая простуженным бродягой-ветром, налетавшим с запада. Матвей решил пешком прогуляться в центр.

На набережной его накрыла очередная порция дождя. Укрывшись в основании моста, Матвей наблюдал, как по реке ползут серые буксиры с прицепленными к ним баржами, спеша попасть к морю до окончания навигации. На воде расходились темные круги от дождевых капель, мимо проплывали радужные нефтяные пятна, в зеленой воде полоскались

похожие на немые волосы водоросли.

Дождь закончился довольно быстро. По мосту Матвей перебрался на противоположную сторону реки. По узким улочкам, протянувшимся вдоль одетых в гранитные мундиры каналов, на поверхности которых печально застыло осеннее небо, он двинулся к центру.

Возле аркады Гостиного Двора расположились несколько пикетов, в которых за символическую плату торговали своими идеями, а если быть точным, их материальными носителями в форме газет, листовок и прокламаций представители разных политических течений. Были тут и левые студенты-революционеры в бушлатах курсантов морских училищ, и боевые бабушки с иконоподобными портретами Сталина, и степенные монархисты-черносотенцы в окладистых бородах, и гаулейтеры полуподпольных националистических организаций с нарукавными повязками, на которых корячилась стилизованная свастика.

Издалека Матвей заметил Артема – тот стоял в компании высокого волосатого парня в черном кожаном плаще под красным флагом с серпом и молотом в белом круге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.